

УДК 316.334.52:316.347+94(470)

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15

*МАКСИМОВ Антон Михайлович, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 22 научных публикаций**

*ТАМИЦКИЙ Александр Михайлович, кандидат политических наук, доцент, директор высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 56 научных публикаций***

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И НЕНЕЦКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ¹

В статье отражены результаты эмпирического исследования представлений жителей Архангельской области и Ненецкого автономного округа о состоянии межэтнических отношений в этих регионах. Основу исследования составили данные опроса общественного мнения, проведенного летом 2015 года (выборка составила 700 чел.). В ходе опроса удалось выявить оценки и мнения населения о характере межнациональных отношений и причинах возможного обострения межэтнической напряженности, отношение к различным этническим меньшинствам. В целом население исследованных регионов отличается высоким уровнем терпимости в контексте межэтнического взаимодействия и считает маловероятным возникновение на территории их проживания столкновений в связи с этническими различиями. Однако авторами также было установлено, что статистически значимая часть респондентов ощущает межэтническую напряженность и отмечает, что этнические меньшинства могут представлять угрозу их социальному благополучию. К примеру, часть респондентов выразила опасения, связанные с увеличением численности иноэтничных мигрантов и обострением экономической конкуренции между ними и местным населением. Тем не менее данные официальной статистики не подтверждают, что для этого имеются экономические или демографические предпосылки. С нашей точки зрения, зафиксированные негативные этностереотипы являются результатом вовлеченности части респондентов в дискурсивные практики, посредством которых происходит гипостазирование этнокультурных различий и воспроизводится культурная дистанция между представителями разных этнических групп. В заключение авторы подчеркивают, что данный фактор может

¹Исследование выполнено за счет средств гранта Российского государственного научного фонда (проект № 15-18-00104 «Российская Арктика: от концептуализации к эффективной модели государственной этнонациональной политики в условиях стабильного развития регионов»).

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: a.m.maksimov@narfu.ru.

**Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: a.tamitskij@narfu.ru.

Для цитирования: Максимов А.М., Тамицкий А.М. Межнациональные отношения в Архангельской области и Ненецком автономном округе в представлениях населения // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2016. № 6. С. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15.

ИСТОРИЯ

стать одним из основных рисков в ходе реализации мер государственной национальной политики в исследованных регионах.

Ключевые слова: Архангельская область, НАО, межэтнические отношения, этнические меньшинства, причины межэтнической напряженности, государственная национальная политика.

В российской науке последних лет имеется значительное количество эмпирических исследований, посвященных межэтнической ситуации в полиэтничных регионах [1–4]. Предметом их анализа закономерно становится динамика межэтнической напряженности и факторы, ее обуславливающие. При этом изучение этносоциальных процессов в моноэтнических субъектах РФ традиционно воспринималось как не слишком продуктивное занятие. Вместе с тем в условиях интенсификации внутренней (межрегиональной) и внешней миграции, повсеместного распространения компактно проживающих диаспор этнических меньшинств, этнизации экономической конкуренции и политизации этнических различий в фокус исследовательского внимания попадают и эти регионы. Среди них, например, Курская, Саратовская, Ростовская области [5–7]. Наше исследование принадлежит именно к указанному кругу работ.

Архангельская область и Ненецкий автономный округ (НАО) – субъекты РФ, территории которых входят в Арктическую зону. В случае с НАО в нее включена вся территория округа, тогда как в случае с Архангельской областью – 7 муниципальных образований (Новая Земля, Мезенский, Онежский, Приморский районы, города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск). Население Архангельской области отличается этнической однородностью: по данным Росстата, 95,6 % жителей региона идентифицируют

себя как русские². Вместе с тем на территории области проживают представители более ста национальностей³. Наиболее многочисленными являются этнические группы украинцев, белорусов, ненцев, коми, татар, азербайджанцев, армян, чувашей.

В НАО доля нерусского населения существенно выше – почти 34 % населения, из них больше половины составляют ненцы⁴. Численное доминирование русского населения, а также высокая степень аккультурации иноэтничного населения (перепись 2010 года фиксирует почти поголовное владение русским языком среди представителей нерусских народов, проживающих в регионе) делают как Архангельскую область, так и НАО достаточно благополучными субъектами РФ в том, что касается межэтнических отношений.

В то же время столкновения на этнической почве, имевшие место в г. Кондопоге (Республика Карелия) в 2006 году, наглядно продемонстрировали, что даже в условиях благоприятной этнодемографической ситуации в любом российском регионе возможен всплеск межэтнической напряженности. В связи с этим утверждение в 2012 году Стратегии государственной национальной политики в РФ, появление аналогичных документов на региональном уровне, а также учреждение во властных структурах субъектов федерации специальных ведомств по реализации национальной политики были

²Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.09.2016).

³Об утверждении региональной стратегии государственной национальной политики в Архангельской области на период до 2025 года: постановление правительства Архангельской области от 27 мая 2014 г. № 222-пп // Правительство Архангельской области. URL: <http://dvinland.ru/gov/-ap37krgh> (дата обращения: 20.09.2016).

⁴Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство...

логичными мерами регулирования межэтнических отношений, профилактики этнических конфликтов и распространения толерантного отношения к представителям нетитульных национальностей. Очевидно, что эффективное решение задач национальной политики в современных условиях предполагает ее экспертно-аналитическое сопровождение, базирующееся на проводимых в регионах эмпирических исследованиях. Ниже будут представлены результаты одного из таких исследований, осуществленного на территории Архангельской области и НАО.

С июля по ноябрь 2015 года группой исследователей из Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова было проведено социологическое исследование на тему «Этнокультурный ландшафт Российской Арктики: ценности, традиции, отношения». В основу методики был положен массовый выборочный опрос населения НАО и территорий Архангельской области, входящих в состав Арктической зоны РФ (за исключением Новой Земли). Выборочная совокупность котиновалась по полу, возрасту и району проживания респондента пропорционально долям с соответствующими демографическими характеристиками в генеральной совокупности. Объем выборки составил 700 чел., статистическая погрешность – 3,7 %. Большинство респондентов по своей этнической принадлежности русские (93 %). В ходе опроса респонденты отвечали на вопросы по трем тематическим

блокам: «Язык, традиции и верования», «Оценка региона проживания и миграционные настроения» и «Межнациональные отношения в регионе проживания». В контексте настоящей статьи наибольший интерес представляют ответы респондентов по третьему блоку вопросов.

На вопрос «Ощущается ли сейчас в городе/районе Вашего нынешнего проживания межэтническая напряженность?» 22 % респондентов уверенно дают отрицательный ответ, еще 45 % склоняются скорее к отрицательному ответу. Вместе с тем около 9 % респондентов с разной степенью уверенности склоняются к признанию наличия конфликтного потенциала в отношениях между представителями различных этнокультурных групп. При этом в городской агломерации Архангельск–Новодвинск доля таких ответов выше и доходит до 12 %. Схожим образом оценивается респондентами риск возникновения насильственных межэтнических конфликтов: большинство (45 %) сомневается в том, что в регионе проживания возможны столкновения на национальной почве, 29 % опрошенных однозначно утверждают, что таких столкновений быть не может; допускают такую возможность лишь 8 %.

Среди респондентов, в той или иной степени ощущающих межэтническую напряженность, бытуют представления о целом ряде причин, создающих такую ситуацию. Распределение мнений по этому вопросу отражено в *табл. 1*.

Таблица 1

ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РЕГИОНЕ ПРОЖИВАНИЯ

Вариант ответа респондента	Доля от общего числа ответов, %
Несовместимые нормы и правила поведения	51,7
Агрессивность в межгрупповых отношениях, конфликтное поведение	43,1
Быстрый рост численности этнических групп	43,1
Конкуренция за рабочие места	39,7
Вызывающие формы бытового повседневного поведения	32,8
Усиление криминогенной обстановки в этнических группах	31,0
Доминирование этнической группы в определенных сферах занятости	22,4

Примечание: допускалось несколько вариантов ответа.

ИСТОРИЯ

Большинство опрошенных демонстрирует положительное отношение к феномену межэтнических браков: 54 % в вопросе выбора брачного партнера считают не имеющей принципиального значения его национальную принадлежность (противоположного мнения придерживается 36 %). Это может служить косвенным свидетельством того, что население изучаемых регионов оценивает степень аккультурации представителей этнических меньшинств как достаточно высокую, чтобы этнокультурные различия не вызывали сколько-нибудь серьезных трудностей в семейном быту, вопросе гендерных ролей и при воспитании детей.

Ответы респондентов на вопросы об их отношении к некоренному населению в целом указывают на достаточно высокий уровень терпимости к иммигрантам (табл. 2). При этом из общего числа опрошенных нейтрально или положительно относятся к приезжим из Украины,

Таблица 2

ОЦЕНКА РЕСПОНДЕНТАМИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ПРИЕЗЖИХ С КОРЕННЫМ НАСЕЛЕНИЕМ

Предложенный вариант ответа	Частота ответов	Доля от общего числа ответов, %
У них сложились устойчивые хорошие отношения	120	17,1
В целом нормальные отношения, но случаются недоразумения	187	26,7
Отношения неровные, нередко возникают напряжения	42	6,0
Напряженные отношения, нередко происходят драки, вызывают полицию	4	0,6
Местные и приезжие почти не общаются друг с другом	20	2,9
Затрудняюсь ответить	320	45,7
Нет ответа	7	1,0

Белоруссии или Молдавии 88 %, стран Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия) – 69 %, Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан и др.) – 67 %, республик Северного Кавказа (Дагестан, Ингушетия, Чечня и др.) – 60 %. Однако на этом фоне негативное отношение к выходцам из закавказских стран выразили 18 % опрошенных, представителям среднеазиатских народов – 19 %, уроженцам северокавказских республик – 24 %.

Таким образом, в ходе опроса были получены данные, хоть и подтверждающие статус Архангельской области и НАО как регионов, где наблюдается межэтнический мир, но в то же время свидетельствующие о наличии на их территории потенциала межэтнической напряженности.

Риски ухудшения ситуации мы связываем со следующими факторами:

– существенный уровень ксенофобских настроений среди жителей обследованных регионов по отношению к приезжим из республик Северного Кавказа, а также государств Средней Азии и Закавказья;

– наличие в составе населения Архангельской области и НАО статистически значимого меньшинства, оценивающего состояние межэтнических отношений как неблагоприятное и описывающего их в терминах напряженности и конфликта;

– распространенность среди этой части населения негативных этнических гетеростерей, согласно которым этнические меньшинства представляют собой угрозу социальному благополучию и безопасности остального населения.

Анализируя полученные данные, мы задались вопросом, в какой мере артикулируемые частью респондентов мнения соотносятся со статистически фиксируемым состоянием миграционных и социально-экономических процессов в обследованных субъектах РФ. В первую очередь нас интересовало наличие объективных предпосылок для роста экономической конкуренции с иностранной рабочей силой, а также проблем межкультурной коммуникации в связи с увеличением численности

иммигрантов, испытывающих трудности с интеграцией в местные сообщества.

Наибольшее количество иностранных граждан, получивших патент или разрешение на работу, временное убежище и разрешение на временное проживание, дают страны ближнего зарубежья (СНГ). Так, на протяжении 5 последних лет в структуре трудовой иммиграции численно преобладают граждане таких государств, как Узбекистан (от 23 до 34 %), Азербайджан (от 27 до 31 %), Таджикистан (от 10 до 18 %) и Украина (от 15 до 18 %)⁵. За исключением мигрантов из Украины, близких в языковом и культурном отношении к этническому большинству (русским), остальные приезжие являются носителями социокультурных норм, весьма отличающихся от таковых в принимающем сообществе. Однако численность выданных патентов указывает на незначительность доли этих лиц в сравнении с общей численностью населения: в период с 2011 по 2014 год число лиц, получивших разрешительные документы на работу, немногим превышало 3600 чел. в среднем за год, а в 2015 году составило всего 2001 чел.⁶, т. е. менее 0,5 % жителей Архангельской области и НАО. Кроме того, в связи с изменениями в законодательстве иностранные граждане, желающие заниматься трудовой деятельностью на территории РФ, должны в обязательном порядке сдавать экзамены на знание русского языка, истории и основ законодательства России, что должно в дальнейшем несколько сглаживать неровности межэтнического общения. Опасения может вызывать разве что нелегальная трудовая миграция, но ее уровень, по оценке УФМС,

также незначителен: всего 2014 чел., причем 36 % из них являются гражданами Украины⁷.

В связи с приведенными статистическими данными по трудовой миграции рассмотрим обоснованность представлений части респондентов о том, что иноэтничные элементы (прежде всего трудовые мигранты) представляют угрозу с точки зрения конкуренции с местным населением за рабочие места. Для этих целей обратимся к такому индикатору, как коэффициент напряженности на рынке труда (численность официально незанятых граждан в расчете на одну вакансию). Согласно имеющимся данным, на конец 2015 года значение этого показателя в Архангельской области равнялось 1,8⁸, в НАО – 2⁹. Это несколько выше, чем в целом по России (значение показателя на конец 2015 года – 1), но вместе с тем ситуация на рынке труда не является критической, более того, у названных регионов не самые высокие показатели даже по Северо-Западному федеральному округу¹⁰.

Учитывая, что число трудовых мигрантов сократилось в 2015 году более чем на треть по сравнению с предыдущим годом, корреляция между напряженностью на рынке труда и масштабом трудовой иммиграции отсутствует. Очевидно, что ухудшение состояния рынка труда в рассматриваемый период обусловлено не притоком иностранной рабочей силы (мы наблюдаем как раз обратный процесс), а рецессией в региональной экономике. В этих условиях конкуренция обостряется скорее между самими жителями региона, чем между местными и приезжими. В свою очередь работодатели

⁵О миграционной ситуации в Архангельской области, основных результатах деятельности УФМС России по Архангельской области за 2015 год: докл. Архангельск, 2016. С. 25.

⁶Там же. С. 24.

⁷Там же. С. 29.

⁸Социально-экономическое положение Архангельской области за 2015 год. URL: arhangelskstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/arhangelskstat/resources/2440e0804b8c797dae1bfef3fcc8acff/2015.doc (дата обращения: 20.09.2016).

⁹Социально-экономическое положение Ненецкого АО в январе–декабре 2015 года: докл. URL: http://nenstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nenstat/resources/314502804b859d7d9299def3fcc8acff/12.pdf (дата обращения: 20.09.2016).

¹⁰Статистическая информация о ситуации на регистрируемом рынке труда в декабре 2015 года. URL: <http://www.rostrud.ru/rostrud/deyatelnost/?ID=244472> (дата обращения: 20.09.2016).

в России, как правило, привлекают трудовых мигрантов не с целью понижения стоимости рабочей силы, а для восполнения дефицита трудовых ресурсов, которые можно было бы задействовать на малопривлекательных для российских граждан, низкооплачиваемых и физически тяжелых видах работ.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что результаты нашего анализа не позволяют утверждать, что в Архангельской области и НАО имеются выраженные социально-экономические или демографические предпосылки возрастания межэтнической напряженности в отношениях этнических меньшинств или групп иммигрантов с численно доминирующим русским населением. При этом статистически значимая часть респондентов выразила одинаковые суждения стереотипного характера об этнических меньшинствах как о чужеродном элементе, несущем риски экономической конкуренции, замещающей миграции и культурной несовместимости.

Мы пытались показать, что при достаточно высокой степени аккультурации и интеграции в местные сообщества представителей этнических меньшинств, много лет проживающих в обследованных регионах (о чем свидетельствует владение ими русским языком, а также нейтральное/положительное отношение большинства населения к межэтническим бракам), а также незначительной миграционной нагрузке причины имеющих место негативных этнических гетеростереотипов коренятся не в области социально-экономических процессов. С нашей точки зрения, выявленный феномен имеет дискурсивную природу.

По всей видимости, определенная часть наших респондентов включена в опосредуемые масс-медиа дискурсивные практики, в рамках которых воспроизводится картина социальных отношений, частично описываемых в терминах этнокультурных различий и этнической стратификации. Характерными элементами данного дискурса являются объективация этничности, классификация людей по этническому признаку, маркирование определенных событий и аспектов

человеческого поведения как этнических по своей природе. Такого рода дискурсивные практики и становятся в итоге механизмом формирования устойчивых представлений об объективном характере этнической неоднородности, стабильности этнических групп и границ [8, с. 16–18].

Важно отметить, что индивиды, включенные в указанные дискурсивные практики, с необходимостью разделяют представление о примордиальном характере этничности, понимаемой как вполне определенная и устойчивая совокупность культурно отличительных признаков, атрибутируемая в полном объеме некой группе лиц (этносу, народности) и каждому входящему в нее человеку в отдельности.

В этом случае факты аккультурации, подвижности этнической границы, «дрейфа» этнической идентичности, отмечаемые этнологами конструктивистского направления [9, 10], воспринимаются как незначимые, не влияющие на этническую принадлежность конкретного человека. Иными словами, этнические другие рассматриваются в качестве носителей усвоенных ими с детства особых культурных ценностей и поведенческих паттернов, в основе своей неизменных и неискоренимых. Такое понимание этничности ведет к гипостазированию этнокультурных различий, превращению их в естественные и объективно неустраимые свойства личности. В связи с этим представляется закономерным, что при наличии сколько-нибудь заметной культурной дистанции между индивидами они будут воспринимать друг друга в качестве «чужаков» – со всеми сопутствующими гетеростереотипами.

Разумеется, изложенные соображения требуют верификации посредством специального эмпирического исследования. Однако в качестве рабочей гипотезы, объясняющей распространенность негативных этностереотипов среди части населения Архангельской области и НАО в условиях, когда не фиксируются напряженность на рынке труда и демографическое давление со стороны внешних иммиграционных потоков, эти соображения, на наш взгляд, заслуживают внимания. Хотелось бы также отметить, что многие политики, журна-

листы и часть академического сообщества (исследователи примордиалистского направления) также активно участвуют в воспроизводстве вышеописанного дискурса посредством СМИ и образовательных институтов. Поскольку же публичные высказывания этих акторов служат релевантными источниками информации о межэтнических отношениях для значительной части населения России, данное обстоятельство может рассматриваться как дополнительный аргумент в пользу нашей гипотезы.

В заключение укажем, что при реализации мер государственной национальной политики необходимо принимать во внимание дискурсивные практики различных акторов, т. к. именно они являются механизмом конструирования и воспроизводства этнических идентичностей и этнических границ. В свою очередь, последнее оказывает не меньшее воздействие на динамику межэтнических отношений в регионах, чем наблюдаемые в них социально-экономические процессы.

Список литературы

1. Аствацатурова М.А., Тишков В.А., Хоперская Л.Л. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. М., 2010.
2. Гусаева К.Г. Межнациональные и межконфессиональные отношения в Дагестане: от конфликтности к стабильности: моногр. Махачкала, 2006.
3. Идентичность и консолидационный ресурс жителей республики Саха (Якутия). М., 2012. URL: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_4_2012.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
4. Чарина А.М., Шабает Ю.П. Региональные этноэлиты в политическом процессе (финно-угорское движение: становление, эволюция, лидеры): моногр. / отв. ред. В.В. Грибанов. Сыктывкар, 2008.
5. Анциферова Н.Г. Межэтнические и межкультурные отношения в моноэтническом приграничном регионе: состояние и тенденции развития (на примере Курской области) // Науч. рук. 2015. № 2(9). С. 10–15.
6. Брянцев И.И. Актуальные проблемы этнокультурной политики в субъекте РФ: социологическое сопровождение и властные решения // Вестн. Поволж. ин-та упр. 2008. № 4. С. 53–62.
7. Дружинин А.Г. Этнодемографические трансформации в центрo-периферийной структуре Ростовской области (постсоветские тренды) // Регион. исслед. 2015. № 3(49). С. 78–85.
8. Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Cambridge; Massachusetts, 2004.
9. Соколовский С.В. Институты и практики производства и воспроизводства этничности // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. 2005. Вып. 11. С. 144–167.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

References

1. Astvatsaturova M.A., Tishkov V.A., Khoperskaya L.L. *Konfliktologicheskie modeli i monitoring konfliktov v Severo-Kavkazskom regione* [Conflictological Models and Conflict Monitoring in the North Caucasus Region]. Moscow, 2010.
2. Gusaeva K.G. *Mezhnatsional'nye i mezhkonnfessional'nye otnosheniya v Dagestane: ot konfliktnosti k stabil'nosti* [Interethnic and Interreligious Relations in Dagestan: From Conflict to Stability]. Makhachkala, 2006.
3. *Identichnost' i konsolidatsionnyy resurs zhiteley respubliki Sakha (Yakutiya)* [Identity and Consolidation Resource of the Inhabitants of the Sakha Republic (Yakutia)]. Moscow, 2012. Available at: http://www.isras.ru/files/File/INAB/INAB_4_2012.pdf (accessed 20 September 2016).
4. Charina A.M., Shabaev Yu.P. *Regional'nye etnoelity v politicheskom protsesse (finno-ugorskoe dvizhenie: stanovlenie, evolyutsiya, lidery)* [Regional Ethnic Elites in the Political Process (Finno-Ugric Movement: Its Formation, Evolution, and Leaders)]. Syktyvkar, 2008.
5. Antsiferova N.G. *Mezhethnicheskie i mezhkul'turnye otnosheniya v monoethnichnom prigranichnom regione: sostoyanie i tendentsii razvitiya (na primere Kurskoy oblasti)* [Interethnic and Intercultural Relations in the Mono-Ethnic Cross-Border Region: State and Development Trends (Exemplified by the Kursk Region)]. *Nauchnyy rukovoditel'*, 2015, no. 2, pp. 10–15.

6. Bryantsev I.I. Aktual'nye problemy etnokul'turnoy politiki v sub'ekte RF: sotsiologicheskoe soprovozhdenie i vlastnye resheniya [Urgent Issues of Ethno-Cultural Policy in Subjects of the Russian Federation: Sociological Assistance and Authoritative Decisions]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, 2008, no. 4, pp. 53–62.

7. Druzhinin A.G. Etnodemograficheskie transformatsii v tsentro-periferiynoy strukture Rostovskoy oblasti (postsovetskie trendy) [Ethno-Demographic Transformations in the Core-Periphery Structure of the Rostov Region (Post-Soviet Trends)]. *Regional'nye issledovaniya*, 2015, no. 3, pp. 78–85.

8. Brubaker R. *Ethnicity Without Groups*. Cambridge, Massachusetts, 2004.

9. Sokolovskiy S.V. Instituty i praktiki proizvodstva i vosproizvodstva etnichnosti [Institutions and Practices of Production and Reproduction of Ethnicity]. *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii* [Ethnomethodology: Problems, Approaches, and Concepts]. Moscow, 2005. Iss. 11, pp. 144–167.

10. Tishkov V.A. *Rekviem po etnosu: Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoy antropologii* [Requiem for Ethnos: Studies in Sociocultural Anthropology]. Moscow, 2003.

DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15

Anton M. Maksimov

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: a.m.maksimov@narfu.ru

Aleksandr M. Tamitskiy

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
e-mail: a.tamitskiy@narfu.ru

INTERETHNIC RELATIONS IN THE ARKHANGELSK REGION AND NENETS AUTONOMOUS AREA IN THE EYES OF THEIR INHABITANTS

This article considered the results of an empirical research into the opinions of the inhabitants of the Arkhangelsk Region and Nenets Autonomous Area about the state of interethnic relations on those territories. The study was based on a public opinion survey that had been conducted in the summer of 2015 (the sample included 700 people). The survey was able to identify the population's assessments of and opinions on the nature of interethnic relations and the reasons for any increased interethnic tensions, as well as their attitude towards various ethnic minorities. In general, the people living in the regions under study demonstrate a high level of tolerance in the context of ethnic interactions and consider conflicts due to ethnic differences on their territory to be unlikely. However, the authors also found that a statistically significant number of respondents feel certain ethnic tensions and find that ethnic minorities can pose a threat to their social well-being. In particular, some respondents expressed concerns about the increasing number of in-migrants of other nationalities and exacerbation of economic competition between them and the local population. However, official statistics do not confirm that there are any economic or demographic prerequisites for this. From our point of view, the identified negative ethnic stereotypes result from the respondents' involvement into discursive practices through which ethnic and cultural differences are hypostatized and cultural distance is reconstructed between the members of various ethnic groups. The authors come to the conclusion that this factor can be one of the main risks in the implementation of the state ethnic policy in these regions.

Keywords: *Arkhangelsk Region, Nenets Autonomous Area, interethnic relations, ethnic minorities, reasons for interethnic tensions, state ethnic policy.*

Поступила: 05.05.2016

Received: 5 May 2016

For citation: Maksimov A.M., Tamitskiy A.M. Interethnic Relations in the Arkhangelsk Region and Nenets Autonomous Area in the Eyes of Their Inhabitants. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2016, no 6, pp. 15–22. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.6.15.